

Политика

КНР, США и Россия на путях к обновлению мироустройства

© 2019

А.С. Давыдов

В статье содержится характеристика стран т.н. большой тройки, текущих взаимоотношений между ними. Исходя из имеющихся у них взглядов на особенности существующего и грядущего мироустройства, предпринята попытка прогноза места и роли трех стран в обновляющемся мировом порядке. Даются рекомендации по их оптимизации и выстраиванию гармоничных отношений, способствующих установлению прочного и долговременного мира.

Ключевые слова: КНР, США, Россия, «большая тройка», мироустройство, обновление, парадигма конфликтности, управление соперничеством.

DOI: 10.31857/S013128120006091-1

В последнее время взаимоотношения КНР, США и России — стран, входящих в т.н. большой треугольник, или «большую тройку», привлекают пристальное внимание не только специалистов-политологов, но и широких кругов международной общественности. Это происходит по целому ряду причин.

Прежде всего потому, что они составляют «трио» крупных мировых держав, каждая из которых обладает объективными и уникальными отличиями от других стран мира: США — самым современным экономическим и научно-технологическим потенциалом, Китай — невиданными демографическими ресурсами, а Россия — наибольшей территорией и обширными запасами полезных ископаемых. В силу этих и иных особых свойств указанные страны претендуют на ведущую глобальную роль, в стремлении играть которую каждая из них старается опираться на присущие исключительно ей собственные подходы и идейные ценности.

Так, США делают ставку на принципы рыночной экономики и демократии, прикрываясь которыми зачастую вмешиваются во внутренние дела других государств, вынуждая их к подчинению и насаждая там порядки, отвечающие американским интересам.

Китай, расширяя ныне повсеместное проникновение в развивающиеся и развитые страны на разных континентах, ратует за создание планетарного «сообщества единой судьбы» на основе укрепления, в первую очередь, торгово-экономических связей.

Россия, отказавшись от старой советской идеологии социализма и коммунизма, все же сохранила отчасти патерналистские подходы к выстраиванию отношений с некоторыми своими партнерами, хотя старается подходить к этому дифференцированно.

Крах просуществовавшей более четырех десятилетий биполярной системы, одной из глубинных причин которого можно, несомненно, считать грянувший в 1960-е годы советско-китайский раскол, сделал особо актуальным **вопрос об обновлении мирового порядка, вплоть до формирования новой системы мироустройства.**

С начала 1990-х годов этот процесс растянулся во времени и преодолел несколько этапов: с установления монополярности, когда США как победитель в холодной войне пытались диктовать свою волю и условия существования остальному миру, вплоть до нынешних усилий Китая и России по подрыву американской монополии на мировую гегемонию и выдвигению альтернативных планов глобального развития.

В этих обстоятельствах США, еще десятилетие назад грезившие гарантированной надеждой на мировое лидерство и доминирование, начали пересмотр прежней позиции, отход от глобализационных тенденций, формирование которых совсем недавно инициировали и активно в них участвовали, и замену их «экономическим национализмом», что в итоге привело к возникновению пресловутой «торговой войны» с Китаем, обозначившей по существу начало схватки за изменение существующего мироустройства.

Таким образом, **все три ведущие мировые державы, так или иначе, высказались за отказ от былой архаичной архитектоники и за ее обновление**, хотя у каждой имеется собственное представление о том, какой ей надлежит быть.

Нынешний 2019 год является для трех указанных стран **юбилейным** и, в определенном смысле, **итоговым**. Для Китая — это год 70-летия КНР, 40-летия установления дипломатических отношений с США и, фактически, полувековая годовщина с начала обоюдной инициации американо-китайского сближения, возникшей с приходом в 1969 г. в Белый дом Ричарда Никсона.

Для России он знаменует не только 70-летие установления дипотношений с Китайской Народной Республикой¹, но и 50-летие кровавых событий на острове Даманский, обозначивших кульминацию советско-китайского конфликта и нагнетания в отношениях двух стран пиковой враждебности, грозившей перерасти в широкомасштабную войну между ними.

Для самих США приход полвека назад Р. Никсона во власть связан как с нормализацией отношений с КНР, так и одновременно с началом вызревания американо-советской разрядки.

Считать 2019 год итоговым Китаю, США и России позволяет произошедшее в трех странах **избавление от иллюзий**. Китаю пришлось осознать, что его геополитическое и технологическое возвышение, в отличие от экономического, воспринятого Соединёнными Штатами относительно спокойно и сдержанно, вызывает у них ярое неприятие и может иметь самые негативные последствия не только для китайско-американских отношений, но для глобальной ситуации в целом.

США внутренне прониклись пониманием того, что их шансы на сохранение и консервацию однополярного мира вовсе не так велики и бесспорны, как им казалось еще десять лет назад. Поэтому необходимо обновление не только тактики, но и стратегии.

А у российской политэлиты, хотя не у всей, начала разрушаться, наконец, иллюзия веры в то, что «с Китаем у нас единый путь и общие цели, и стоит лишь соединиться с ним союзными узами или, на худой конец, еще больше упрочить партнерские связи — и нам ничто не страшно», поскольку такое взаимодействие принесет якобы «скорые и обильные плоды».

На самом деле недавние события в наших двусторонних отношениях, включая последний визит Си Цзиньпина в Россию, дали ясно понять, несмотря на обилие пропагандистских восторгов в СМИ, как много усилий еще предстоит приложить обоим госу-

дарствам, чтобы их нынешнее сближение оказалось не конъюнктурным, а действенным и плодотворным.

2019 год практически становится также отправной точкой на пути каждой из трех стран к достижению намеченных их руководством целей. Вспомним, что Д.Трамп еще в ходе избирательной кампании пообещал **вернуть Америке былое величие** («to make America great again»). Председатель Си неоднократно говорил о надеждах, связанных с реализацией к середине XXI века **«мечты о великом возрождении китайской нации»** и обещал миру обеспечить «глобальное лидерство с китайской спецификой». На памяти у всех и высказывания В. Путина о стремлении России **добиться статуса великой державы**, которым в свое время обладал Советский Союз.

Цели эти весьма амбициозны, никак не стыкуются между собой, но вполне соответствуют притязаниям этих трех государств, которые очевидны, обоснованы и подкрепляются ранее накопленным ими «багажом». Так, Америка после окончания Второй мировой войны неизменно выступает в роли одного из постоянных мировых лидеров, сначала — в биполярном мире, а после его краха — на глобальном уровне.

Устремления Пекина органично подпираются издревле исповедуемым ханьской цивилизацией принципом «китаецентризма», согласно которому Китаю предназначено располагаться в центре мироздания и, «находясь в окружении варваров, постоянно сталкивать их друг с другом» для облегчения собственного выживания и последующего возвышения.

А России как самой крупной стране в мире, к тому же обладающей сопоставимым с США ядерным арсеналом, негоже, будучи правопреемницей СССР, довольствоваться положением всего лишь межрегиональной державы.

Понятно, однако, что великодержавные амбиции должны предполагать не только былые заслуги, но и соответствие определенным критериям. Как известно, для достижения сверхдержавного статуса любому государству необходимо обладать превосходством или, по крайней мере, паритетом с остальными претендентами на него в большинстве из следующих четырех сфер: экономике, современных науке и технологиях, военной мощи, геостратегическом положении и влиянии.

На данный момент указанным критериям 100-процентно отвечают только США. КНР сопоставима с ними по экономическим и отчасти технологическим параметрам. Москва пока составляет конкуренцию Вашингтону лишь в военной области.

Китай имеет высокий глобальный экономический рейтинг, обеспеченный в свое время за счет исполнения роли «мировой фабрики» с дешевой рабочей силой в обмен на получение современных западных технологий и широкого доступа к торгово-экономическим льготам, предоставляемым ВТО развивающимся странам.

Россия, изначально поверившая при Ельцине в равноправное партнерство с Западом и оказавшаяся в итоге в ситуации тотального подчинения ему и практически в шаге от потери суверенитета, начала собственное восстановление при Путине с пересмотра «партнерских ориентиров» и воссоздания утраченной военной силы, в чем заметно преуспела.

Однако **превзойти Америку по комплексным показателям ни КНР, ни России еще не удалось**. Главным объединителем их усилий на путях к «мировой вершине» **остается согласие относительно многополярности** как единственной приемлемой, в их понимании, структуры будущей глобальной архитектоники. Однако видение ведущих к ней путей у них не во всем совпадает.

Китай, занявший в мировой экономике передовые позиции и решительно отрицающий при этом собственное стремление к гегемонизму, на деле демонстрирует непреодолимое желание утвердиться из региональной в статусе глобальной державы с последующим превращением в супердержаву. На это прямо и косвенно указывают его планы, сформулированные во многих китайских государственных и партийных документах.

Проводимая КНР на протяжении последних десятилетий торгово-экономическая политика в итоге дала стране реальную возможность не просто догнать более развитые экономически страны Запада, но войти в число мировых лидеров в сферах технологий и производства. СМИ западных стран все чаще говорят о том, что США и Европа отстают в освоении технологий. «Робототехника, системы на основе искусственного интеллекта, автоматизированное обучение, квантовые вычисления или интеллектуальная мобильность — все это происходит в Китае, а не в США»².

Известно, что китайские суперкомпьютеры — одни из самых быстрых в мире, крупнейший радиотелескоп находится в Китае, и, наконец, КНР намерена доминировать в следующем поколении информационных технологий, куда входят сети 5G.

При этом США и Китай не только конкуренты и соперники, но и взаимозависимые партнеры. США зависят от Китая в ряде ключевых областей, начиная от дешевых потребительских товаров и кончая кредитными обязательствами перед ним на сумму свыше 1 трлн долл. Китай в свою очередь зависит от сохранения способности потребителей в США эти китайские товары покупать, а также от современных американских технологий в некоторых ключевых областях.

Для достижения намеченных целей КНР, помимо экономических, предпринимают целенаправленные шаги в политической, военной, социальной, демографической и ряде других важнейших сфер. Как было указано в докладе Си Цзиньпина на XIX съезде КПК, одной из них является достижение к середине нынешнего столетия «мирового лидерства в области всесторонней национальной мощи и международного влияния».

В этом направлении Китай осуществляет действенные меры: наряду с военной реформой, упорядочением боевой и организационной структуры НОАК, оснащением ее новыми видами вооружений активизируется ее участие в различных региональных и международных миссиях. Происходит укрепление военно-стратегических позиций КНР в прилегающих морских акваториях и в АТР в целом. Реализация Китаем концепции «полюса и путей» при определенных условиях может способствовать не только усилению его торгово-экономического, но и стратегического воздействия на глобальном уровне.

Еще недавно закрытая для внешнего мира и находившаяся по существу в самоизоляции страна за два последних десятилетия резко активизировала и расширила свои международные связи, укрепив с помощью торговли и инвестиций влияние и авторитет практически во всех регионах мира. Особый «китайский подход» к развивающимся странам зачастую заставляет последние поверить в то, что только Пекин способен адекватно воспринимать имеющиеся у них проблемы и трудности и предоставлять эффективную поддержку и помощь. Примечательно, что согласно имеющимся данным, в период с 2000 по 2017 г. экспорт китайских капиталов в виде прямых инвестиций, включая развивающийся мир, увеличился в 53,3 раза, а экспорт товаров всего лишь втрое³.

Тем не менее, силы и ресурсы КНР для укрепления ее геостратегических позиций уступают пока тем возможностям и средствам, которыми располагают для таких же целей США, не говоря уже о сравнении военно-стратегических потенциалов двух стран. Даже с учетом ракетно-ядерного компонента, масштабы которого Пекин активно наращивает, тщательно скрывая от других, но который все еще уступает американскому, **преимущества США перед Китаем в боевой мощи на сегодняшний день пока сохраняются.**

Думается, КНР отдает себе в этом отчет и воздержится от необдуманных действий. К тому же, **хотя соперничество США и Китая уже выходит за рамки чисто экономического, оно еще не достигло, на мой взгляд, стадии, когда война становится единственным аргументом и способом разрешения спора.** В то же время еще недавняя немыслимость такой войны категорически отрицается в докладе авторитетного аналитического центра «Рэнд корпорейшн», опубликованном летом 2016 г.⁴

Результаты продолжающегося соперничества двух стран в экономике, торговле, высоких технологиях и военно-стратегической сфере определяют в конечном итоге,

сохранит ли Америка в них лидирующие позиции или будет оттеснена с первого места энергичной, бурно развивающейся, устремленной вперед, хваткой и напористой «желтой машиной».

У России, в отличие от американо-китайского противостояния, оцениваемого как «регулируемое», «биполярность» с Америкой ведущими отечественными экспертами-политологами признается «нерегулируемой»⁵. С этим, однако, можно поспорить.

Отношения России с США обострились до крайности не сразу. Их деградация шла постепенно на протяжении десяти с лишним лет. Аплодируя глобализации и декларируя в начале 1990-х годов присоединение к этому процессу, тогдашнее российское руководство старалось не замечать или упускало из виду, что одновременно его оборотной стороной являлись повсеместное насаждение и распространение пресловутых американских шаблонов и идеологических ценностей, наше неизбежное подстраивание под них, усиление зависимости от Америки и подчинения ей.

Первые признаки недовольства России миропорядком, установленным Западом после распада СССР, и отведенным ей местом в нем проявились еще во время президентства Б. Ельцина в действиях премьера Е. Примакова. Его знаменитый «разворот» над Атлантикой, а также бросок российских десантников на Приштину свидетельствовали, что молча и безоглядно глотать любую «западную наживку» мы не станем.

Резкой отповедью западному диктату прозвучала 10 февраля 2007 г. речь В. Путина в Мюнхене, которая, правда, лишь усугубила ситуацию и усилила негативное восприятие России и фигуры ее лидера в западном сообществе. Но к тому времени Россией совместно с дружественными ей странами уже были предприняты первоначальные шаги по формированию структур (ШОС, БРИКС, РИК, ЕАЭС и др.), предназначенных составить основу многополярного каркаса грядущего мироустройства, альтернативного западной однополярности. Все это осуществлялось ею практически параллельно с кампанией «поворота на восток» под лозунгом: «Поймаем восточный ветер в свои паруса!».

Итогом дальнейших действий России, главным из которых стало присоединение Крыма, явилось ее исключение из «восьмерки» в марте 2014 г. Оно ознаменовало начало реального кризиса в ее отношениях с Западом, который по мере усугубления стал приобретать тотальный характер. Этот системный кризис, который развернулся на фоне ряда серьезных внутренних распрей в западном сообществе, еще более ожесточился с приходом к власти в США администрации Дональда Трампа.

К середине лета 2018 г. российско-американские отношения сошли до уровня «хуже некуда». Многие сравнивали их с Карибским кризисом, «новой холодной войной». Об этом, в частности, заявлял Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш⁶. Глава МИД РФ С. Лавров был еще более категоричен, утверждая, что ситуация гораздо критичнее, чем в те далекие времена, поскольку «тогда действовали каналы коммуникации, а сегодня они отсутствуют»⁷.

Первая «коммуникация» состоялась 16 июля 2018 г., когда в Хельсинки прошли переговоры В. Путина и Д. Трампа, оценки которых разнились от сдержанного пессимизма до робкого оптимизма в российской среде и от параноидальной шпиономании до обвинений в «предательстве национальных интересов», прозвучавших из уст определенной части американского истеблишмента. Вторая была недавно во время встречи «двадцатки» в Осаке.

Почему результатом полутора десятилетий движения России навстречу Западу и ее усилий сделать отношения с ним более тесными и доверительными стали ее фактическая изоляция и обструкция с его стороны?

В разгар холодной войны в 1980-е годы президент Рейган нарек Советский Союз «империей зла». Звучало обидно и оскорбительно, но даже в том негативном «клейме» слух советского человека ласкало слово «империя», означавшее, что мы

были все-таки не одни, а окружены некой когортой союзников, на худой конец — сателлитов.

Сегодняшняя Россия — давно не империя, а коллективные скоординированные усилия Запада уже минимум пять—шесть лет направлены на «заталкивание» ее в компанию т.н. стран-изгоев, включающую Северную Корею, Ирак, Ливию, Сирию и им подобных.

Фактом остается и то, что на фоне презентованных президентом Путиным новых видов наших сверхсовременных и совершенных вооружений, которыми якобы обладает теперь Россия, и рекламировавшихся мощных технологических прорывов в военной сфере мы ощущаем себя более одинокими в мире по сравнению с прежними временами. Появился даже термин «стратегическое одиночество», к которому некоторые авторитетные российские политологи, относятся скорее благосклонно, чем негативно⁸.

«Мы должны стать экономически сильнее, и тогда к нам тоже потянутся. А сейчас кто тянется? Тех, кто приходит к нам с протянутой рукой, мы не в состоянии кормить икрой с ложечки. Нам бы себя обеспечить». Эти слова принадлежат генералу армии В.И. Трубникову, бывшему директору Службы внешней разведки и бывшему заместителю министра иностранных дел РФ⁹. Добавить к ним нечего.

Страна с развитой сильной экономикой, способная не только обеспечивать себя, но предложить остальному миру разнообразный ассортимент собственной продукции, помимо сырья и оружия, вряд ли оказалась бы в вакууме изоляции и озадачилась поиском сомнительных союзников, привлекая их раздачей заведомо безвозвратных кредитов, компенсировать которые будет вынуждена потом «за счет внутренних ресурсов».

К сожалению, реально эффективных договорных союзников у нынешней России фактически нет. Из бывших советских республик, расположенных по периметру РФ, официальные союзнические отношения имеются у нее только с пятью членами ОДКБ — Арменией, Белоруссией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном, которых она обязалась защищать любой ценой, «вплоть до применения ядерного оружия» на основании обязательств о коллективной обороне. Однако в реальности ядерную агрессию против этих стран, как полагают видные эксперты-международники, «трудно себе представить»¹⁰.

Еще с шестью бывшими республиками СССР отношения у России практически враждебные или близкие к таковым (с Украиной, Латвией, Литвой, Грузией, отчасти — с Эстонией и Молдовой), а с тремя остальными — нейтрально-сдержанные (с Азербайджаном, Узбекистаном и Туркменией). Понятно, что **при таких взаимоотношениях внутри бывшего СССР рассчитывать на формирование** в будущей многополярной системе **отдельного полюса, группирующего вокруг России, особо не приходится.**

Как отмечалось выше, силой и влиянием в мире, безусловно, обладает **Китай**, давно **позиционирующий** себя нашим «**доверительным стратегическим партнером**». Разговоры о трансформации партнерских связей РФ и КНР в союзнические отношения ведутся ни один год, преимущественно под напором некоторых представителей наших военных и силовых структур, туманно представляющих себе специфические особенности данной проблемы. Они могут еще больше активизироваться после недавней российско-китайской встречи на высшем уровне.

Однако **реальным договорным союзником** с нами **Китай не станет**, поскольку, во-первых, сам принципиально не согласен связывать себя узами альянсов, полагая, что любые союзные обязательства, тем более в оборонной области, сопряжены с частичной утратой суверенитета.

А сегодня такого союза с Китаем следует побаиваться, прежде всего, нам самим, ибо в случае его гипотетического заключения часть нашего суверенитета окажется в руках КНР, и России придется задуматься, как выстраивать союз со страной, население которой десятикратно превосходит российское, а ВВП РФ составляет всего несколько процентов китайско-

го. При этом нелишне иметь в виду, что инвестиции КНР в экономику России поступают исключительно по государственным каналам, но не от частного китайского бизнеса.

Во-вторых, главное состоит в том, что **позиции России не всегда и не во всем совпадают с китайскими, а по некоторым вопросам существенно разнятся**: в приоритете у каждой из сторон свои собственные интересы.

Стоит упомянуть о различиях во взглядах двух стран на экономическое развитие Центральной Азии, на деятельность ШОС и других региональных структур. Интересна статистика голосований РФ и КНР в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН, выявляющая несовпадения в их подходах к оценкам важных международных проблем¹¹. КНР занимает «особую позицию» по Крыму и в территориальном споре РФ с Японией, склонна к солидарности с США по арктической тематике. Пекин скрупулезно выполняет все финансово-экономические санкции Вашингтона в отношении России и не желает участвовать в многосторонних переговорах по разоружению.

Порою складывается впечатление, что Китай видит в России в первую очередь не экономического и политического партнера, а некую контрсилу, способную вместе с ним противостоять тем действиям США в АТР и на глобальном уровне, которые идут вразрез с китайскими интересами.

К тому же при создании договорных союзов, видимо, не стоит игнорировать такой важный фактор, как **совместимость национальных психотипов** народов у заключающих альянс государств. Без его учета результаты таких усилий могут оказаться непредсказуемыми.

Даже не союз, а просто единый российско-китайский полюс в грядущей мировой архитектонике представить непросто, поскольку у обеих стран с их амбициями неизбежно возникнет проблема «ведущего и ведомого», что может обострить существующие разногласия. Тем не менее, необходимо всячески оберегать нынешние российско-китайские отношения, заботиться об их упрочении и постоянно изыскивать способы повышения заинтересованности в них у китайской стороны.

Выше отмечалось, что несмотря на сохраняющийся пока сверхдержавный статус, США не удовлетворены своим нынешним положением в мире. Причина не только в ослаблении надежд на мировое доминирование, но и в несбывшихся мечтах об усилении собственного превосходства и преимуществ за счет запущенного в свое время при активном участии Америки процесса всемирной глобализации, рычаги которого у нее ловко «перехватил» Китай.

Универсальность глобализации рьяно защищала и отстаивала представлявшая в Америке интересы международной спекулятивной финансово-олигархической элиты команда демократов во главе с Б. Обамой и Х. Клинтон. Замена «глобалиста» Обамы «антиглобалистом» Д. Трампом в непростой для мира момент общей турбулентности, повлияв на политический климат внутри США, вызвала одновременно определенное замешательство и во внешней среде.

«Смена караула» в Вашингтоне не ограничилась обычной партийной ротацией властей, а стала ключевой в перемене приоритетов на пути развития американского общества, формирования его внутренней и внешней политики.

Стремление к укреплению внутренних рынков, рост и развитие индустриальной базы внутри самих США, ограничение иммиграционных потоков, разрыв международных торговых договоренностей, чреватых для Америки экономическими потерями, отказ от спекулятивных сделок, увеличение добычи собственных нефти и газа и сокращение их импорта при одновременном желании принудить Европу и весь остальной мир покупать дорогую американскую сланцевую нефть вместо более дешевой российской, а также другие подобные шаги нового президента не только коренным образом изменили ситуацию в стране, но вызвали неоднозначную международную реакцию, вплоть до заявле-

ний о том, что «США рискуют потерять роль мирового лидера», практически поставив на грань краха традиционное внутреннее двухпартийное единство во внешней политике.

Положение усугубили обвинения в адрес Трампа в якобы обеспечившем ему победу на президентских выборах сговоре с Россией. Во многом благодаря именно этому фактору отношения двух стран складывались напряженно и тяжело. Даже если желание их улучшения со стороны Трампа было искренним, он не мог открыто демонстрировать свое дружелюбие к России, поскольку позиционировался в американских СМИ чуть ли ни в качестве «агента Кремля».

Характерно, что главной причиной ухудшения российско-американских отношений стали не столько события на Украине или т.н. аннексия Крыма Россией. Это было лишь одним из поводов для демарша со стороны США. Действительная первопричина состояла в том, что **на рубеже 2008–2009 гг. тогдашние американские администрации республиканцев и демократов, сменявшие друг друга во власти, проглядели реальный «закат» однополярности и, сочтя урегулирование последствий распада биполярной системы мира окончательно завершенным, сбросили Россию со счетов как «глобального игрока».**

Возвращение в 2012 г. в президенты прагматичного и жесткого В. Путина спутало американцам все карты, поколебало уже считавшееся ими состоявшимся деление мира «по интересам» и привело к возникновению, задолго до Украины, целого ряда конфликтов, постепенно повлекших ухудшение, а затем и окончательную деградацию российско-американских связей. **Американская реакция на события на Украине и на роль в них России выглядела как одно из проявлений сопротивления США начальным шагам по формированию основ глобальной полицентричности.**

«Гнев на Россию» цепной реакцией перекинулся из США в страны Европы, расширив политику санкций и породив контрсанкции, приведя к ущемлению российских прав на нормальную деятельность в рамках международных форматов, включая участие в целом ряде форумов. Запад консолидировано ополчился на нас по единственной и главной причине — отсутствию желания наблюдать возрождение России в качестве великой глобальной державы, что противоречило его замыслам и пугало больше всего.

Российско-американские связи, пожалуй, одна из труднейших проблем новой администрации США. Мы сами во многом виноваты, поскольку сразу после выборов многочисленные российские политики, политологи и представители СМИ начали раздувать «трампоманию»¹², авансируя необоснованный оптимизм по поводу надежд на скорое улучшение отношений с Америкой. Ни одна из них не оправдалась. Всколыхнувшиеся в самые последние дни после возобновления российско-американских контактов на высоком политическом уровне ростки оптимизма пока лишены реальной подпитки и не могут оцениваться всерьез. По мнению американских экспертов, высказанному еще перед инаугурацией Д. Трампа, высока вероятность того, что **состояние российско-американских отношений в большой степени будет зависеть от происходящего в Москве и Пекине**¹³.

Что касается последнего, то, по утверждениям экспертов, внутри стратегического сообщества США давно существует точка зрения, что «Соединённые Штаты должны предотвратить превращение Китая в мировую державу, стимулируя внутренние противоречия, и если это не поможет, прибегнуть к превентивной войне»¹⁴.

В реальности, даже нормализовав в 1972 г. отношения с Пекином, Вашингтон сохранял идеологическую нетерпимость и стратегические цели политики по отношению к КНР, состоявшие в конечном итоге в замене политического строя и социальной системы в ней и утверждении благоприятного для США режима. Это обстоятельство, подтверждаемое, в том числе, играми в т.н. кимерику, фигурировало в качестве одной из первопричин накопления конфликтного потенциала в американо-китайских отношениях.

Для Китая, с учетом его планов модернизации, рассчитанных на первую половину нынешнего столетия, обострение конфликта с США представлялось катастрофой,

способной затормозить развитие страны и отбросить ее на исходные позиции. Поэтому в КНР отношения двух стран до недавних пор характеризовались как «сочетание сотрудничества и конкуренции», но без элементов конфронтации¹⁵. При этом Пекин никогда не соглашался на роль младшего партнера США.

Намерение Трампа возродить величие Америки на новой, «более крепкой» основе не могло не отразиться на характере взаимоотношений США с КНР. Еще при Обаме Китай, став второй, а по отдельным показателям — первой экономикой мира, активизировал участие в глобальном управлении, расширив его с экономической на сферу безопасности и заявив, таким образом, о претензии на роль одного из глобальных лидеров.

Мысль о такой возможности была недопустимой не только для Обамы, пытавшегося воспрепятствовать укреплению китайских позиций в АТР, но оказалась неприемлемой и для Трампа, несмотря на его притворную благосклонность к инициативам КНР о расширении сотрудничества со странами региона. Доминирование Китая в нем США разрешить не могли, поскольку потеря тихоокеанской Азии означала бы для американцев утрату плацдарма, подкрепляющего фундамент их глобального лидерства. Так в геополитической сфере по инициативе Трампа возникло новое образование — Индо-Тихоокеанский регион, или т.н. Индо-Пацифика.

Продолжая называть отношения США с Китаем «самыми важными двусторонними отношениями в мире», Вашингтон в «Стратегии национальной безопасности» (2017) впервые причислил КНР к своим главным стратегическим соперникам. Произошел отход от двух важных постулатов в политике прежней администрации в отношении Пекина:

1) о том, что поддержание прежнего баланса сил в АТР и Восточной Азии якобы может сдерживать стремление Китая изменить установленный там Америкой региональный порядок;

2) отказ от дальнейших попыток интеграции КНР — в надежде на последующую либерализацию ее режима изнутри — в общемировой порядок, формировавшийся под патронажем США.

В политико-правовой сфере США инкриминируют Китаю: милитаризацию Южно-Китайского моря; усиление давления на Тайвань; нарушения в области прав человека и свободы вероисповедания; поощряемый властями кибершпионаж; модернизацию китайских военных объектов за счет кражи американских технологий путем хакерских атак; расширение геополитических притязаний.

В финансово-экономической сфере в вину Пекину традиционно вменяются: манипулирование курсом юаня; установление и использование дискриминационных торговых барьеров; товарный демпинг, ведущий к развалу американской промышленности; введение ограничений на торговлю с США; настойчивое требование Китая о доступе к новым американским технологиям в обмен на присутствие компаний США на его рынках и пр.

Хотя «торговую войну» Пекину первыми объявили США, в Вашингтоне исходят из того, что схватку начал Китай, бросивший вызов Америке. В то же время оценки причин начала этой войны российскими специалистами варьируются в диапазоне от обвинений Китая в ее разжигании, вольном или невольном, путем несоблюдения общепринятых правил международной торговли — до признания вины за США из-за их нежелания смириться со стремлением Пекина к приобретению статуса глобальной державы.

В этом контексте действия Трампа рассматриваются как намеренное сдерживание технологического развития Китая в качестве способа торможения КНР на пути к этому статусу, в частности, срыва программы «Сделано в Китае — 2025», поскольку основными объектами протекционистских мер со стороны США являются именно те отрасли, которые в этой программе выделены в качестве приоритетных.

Сам факт нынешнего американо-китайского противоборства свидетельствует о появлении нескольких принципиально новых моментов в отношениях двух стран:

1. Тесные торгово-экономические связи и огромные объемы товарооборота не являются более гарантией недопущения перерастания разногласий США с Китаем в острый конфликт, вплоть до тотальной конфронтации.

2. Торговые споры становятся, таким образом, рычагами не только экономического, но и политического давления.

3. Меняется статус КНР в отношениях с США: из конкурирующего партнера она переводится в разряд геополитических соперников Америки, противоборство с которым может с экономической распространиться и на другие сферы.

4. Диалоговые механизмы между США и КНР, деятельность которых приторможена ухудшением их взаимоотношений, нуждаются в перезагрузке или обновлении.

5. В отношениях двух стран налицо усиление противоречий идеологического и гуманитарного характера по проблемам демократии и тоталитаризма, прав и свобод, сущностей правового государства и т.п.

6. Обнаружились новые разногласия: требования США о необходимости подключения Китая к переговорам России с Америкой по ракетно-ядерной тематике встретили резко негативную реакцию со стороны КНР.

7. Сохраняется разница в подходах к организации будущего миропорядка: КНР ратует за многополярность, а США по-прежнему привержены идее однополюсного мира.

Каким же будет грядущий миропорядок? Спрогнозировать это сложно, хотя, исходя из преследуемых странами «треугольника» целей и ситуации, складывающейся в их взаимоотношениях, общие его контуры вырисовываются ныне более рельефно.

Оговоренные США и Китаем сроки урегулирования их торгово-экономического конфликта постоянно продлеваются, и переговоры сторон, очевидно, зашли в тупик. Это с большой вероятностью свидетельствует о том, что даже если соглашение между ними будет, в конце концов, достигнуто, накопившиеся в китайско-американских отношениях фундаментальные противоречия до конца разрешить не удастся. Противостояние, начавшееся как торговая война, грозит перерасти в перманентное состояние взаимной враждебности, о чем свидетельствуют четко выраженные сторонами намерения «не уступать друг другу».

Характерно, что Китай, очевидно уже не рассчитывая на скорое и мирное разрешение экономического конфликта с США, отошел от сдержанной и дипломатичной риторики, которая использовалась Пекином еще не так давно, и настроен на то, чтобы «быть жестким» к Америке и «достигнуть мира путем борьбы»¹⁶. У каждой из сторон своя правда. Китай полагает, что десятилетиями субсидировал экономику США, одалживая американцам деньги и поставляя промышленные товары, и поэтому может легко взорвать ее, отказав в такой поддержке.

США со своей стороны не считают такой подход болезненным только для них и безболезненным для самого Китая, обеспечивавшего на протяжении тех самых десятилетий рост собственной экономики за счет преференциального доступа к американским технологиям, капиталам и рынкам. Поэтому уверены, что «отключение» экономики КНР от американской системы (если дело дойдет именно до тотальных эмбарго и «долларовых санкций»), «не может не нанести Китаю довольно чувствительный ущерб, который придется купировать долгосрочными и тяжелыми реформами»¹⁷.

При этом сброс Китаем американских облигаций, нанося серьезный ущерб рядовым американцам, окажется на руку Трампу, поскольку ослабит доллар и поможет одновременно сократить дефицит США в торговле с КНР.

Для преодоления возникшего конфликта Китай был готов: а) увеличить импорт из США за счет замещения американскими сырьевыми товарами продукции из других стран; б) согласиться на реформы в сфере интеллектуальной собственности и увеличе-

ние открытости своей экономики; в) пойти на уступки в тех ее секторах, где того требовала сама логика экономических реформ.

Но США это не устроило. В дополнение они настаивали на отказе китайского государства от поддержки высокотехнологичных отраслей и сокращении отдельных форм субсидирования. Видимо, для КНР это стало той «красной чертой», которую она не могла себе позволить переступить: решение о запрете дальнейших уступок США со стороны Китая якобы принял лично сам Си Цзиньпин.

В то же время считается, что Трамп после «индальгенции» от комиссии Мюллера больше не нуждается в быстрой сделке с КНР, которая, выходя **тактическим успехом**, стала бы для него в преддверии грядущих в 2020 г. президентских выборов **стратегической неудачей** в реализации курса на восстановление «величия Америки»¹⁸.

По поводу дальнейших перспектив развития американо-китайского противоборства имеются различные точки зрения. Одна из них сводится к тому, что нынешние американские власти якобы намерены «давить на Китай до конца», поскольку решается вопрос о том, сохраняют ли США статус мирового гегемона в XXI веке. И они будут добиваться эскалации до тех пор, пока ее последствия не станут нетерпимыми для Китая или самих США. А руководство КНР, в свою очередь, якобы делает ставку на более высокий «болевого порог» китайцев и выносливость их системы по сравнению с оппонентами.

Другое мнение состоит в том, что Пекин утратил надежду найти решение проблемы с республиканской администрацией и будет всячески поощрять приход в Белый дом в 2020 г. демократов, тем более, что сын их потенциального кандидата Дж. Байдена связан с китайским бизнесом.

Следует признать, что политика Трампа постепенно приводит к уменьшению дисбаланса в пользу КНР, существующего во взаимной торговле США и Китая. Это происходит, в первую очередь, за счет падения китайского экспорта в Америку, которое в 2018 г. составило уже 2,4%.

США резко ограничивают прямые китайские инвестиции в свои стратегические отрасли, в частности в сферу разработок искусственного интеллекта и стандарта 5G, давят на партнеров и союзников, требуя их отказа от участия в инициативе «пояса и путей» и увеличивая силовой нажим на Китай, усиливая, в том числе, патрулирование в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях якобы для «обеспечения свободы судоходства».

Однако не исключено, что в китайском руководстве на фоне внешне «монолитного единства» вызревают разногласия по поводу дальнейшего курса в отношении США. Об этом свидетельствуют расхождения во мнениях среди экспертного сообщества КНР, серьезно влияющего на выработку политики Пекина. В то время как представители «проправительственного блока» (Пекин, северо-восток страны) ратуют за обострение борьбы сопротивления Америке чуть ли не «на всех фронтах», ориентированные на бизнес и получение прибыли регионы юго-востока и юга Китая (Шанхай, Гуандун и др.) настаивают на поисках «каналов налаживания отношений», что неудивительно, если подчитать доходы, которые они рискуют потерять¹⁹.

Пока же Пекин предпринимает ответные шаги на майское повышение Соединёнными Штатами с 10 до 25% пошлин на китайский импорт объемом 200 млрд долл. С 1 июня с.г. КНР увеличила с 10 до 25% тарифы на импорт из США 2493 наименований товаров. Еще на 1078 наименований товаров тарифы вырастут с 10 до 20%. Одновременно отвергаются все американские обвинения в адрес Китая, включая требования о передаче технологий взамен доступа США на китайский рынок, которые «Жэньминь жибао» охарактеризовала как «чистый вымысел».

Отвергнуты претензии США к Китаю в ракетно-ядерной сфере. Позиция Пекина состоит в том, что страны с наибольшими арсеналами ядерного оружия должны выполнять свои обязательства по разоружению, продолжить выполнение соглашений о контроле над вооружениями и продлить соответствующие договоры.

А сама КНР, которая якобы «дала обещание не применять против других ядерное оружие первой» и в стратегическом арсенале которой дискутируемые виды вооружений средней и малой дальности составляют до 80%, исходит из того, что ее ракетно-ядерные силы «поддерживаются на минимальном уровне». Поэтому она не станет принимать участия в любых переговорах о трехстороннем соглашении по ним. При этом НОАК уже начала строить авианосцы и создавать зарубежные базы.

Тем не менее отказ Пекина от участия в подобных переговорах — не самое неприятное из того, что может произойти в отношениях рассорившихся соперников. К гораздо более серьезным последствиям грозит привести затеянная КНР программа интернационализации юаня и вытеснения американской валюты с внутреннего китайского рынка. Копивший до 2014 г. резервы в долларах США Китай пять лет назад изменил свою стратегию, предпочтя делать валютные инвестиции за границей. Перспективные планы КНР нацелены на то, чтобы полностью отказаться от использования доллара в международной торговле: тогда китайскую экономику не устроят никакие санкции.

Но чем это может обернуться для нас и остального мира?

Россия в торговых отношениях с Китаем договорилась развивать практику расчетов в национальных валютах. Пока же до 76% товарооборота двух стран обеспечивается в долларах США, а полный переход на юань и рубль чреват определенными рисками. Так, девальвация юаня из-за торговой баталии с Америкой оборачивается потерями для их обладателя, что в прошлом году уже ощутил Центробанк РФ, нарастивший долю юаня в своем золотовалютном резерве до 15%.

Что касается мировых последствий, проблема состоит в том, что экономику США с подбирающимся к 20 трлн долл. государственным долгом пока удастся «держать на плаву» во многом благодаря использованию доллара в качестве основной мировой валюты, а Вашингтон — в роли ее эмиссионного центра. Дедолларизация международной экономической системы, составляющая цель Пекина, может привести к нарушению ее целостности и возникновению других самостоятельных и независимых эмиссионных центров, опирающихся на юаневый, золотой или иной стандарт и контролируемых силами, уполномоченными принимать политические, экономические и любые прочие решения.

Помимо новых эмиссионных центров, могут появиться и другие изолированные глобально значимые контролируемые финансовые системы, что способно спровоцировать возникновение «новой холодной войны», но уже не на политико-идеологической, а на финансово-экономической почве, которая может запустить новый этап деглобализации или, как минимум, разделить мировую экономику на части. Ужесточение борьбы за очередной передел глобальных рынков в перспективе не исключает превращения холодной «экономической» войны в реальную горячую.

Главный архитектор американско-китайских отношений и инициатор сближения двух стран, 96-летний патриарх современной политологии Генри Киссинджер считает, что из ситуации, в которой оказались сегодня США и КНР, бесконфликтного выхода нет. А глубину конфликта усиливает то, что «водораздел» между Америкой и Китаем пролегает еще и по идеологической линии, на которую стороны до поры до времени стремились «зажмуривать веки».

Из утверждения Киссинджера следует, что вероятность альтернативы жесткому варианту «мягкого», при котором соперники смогли бы «нащупать договоренности» и восстановить былое взаимодействие, практически равна нулю. В то же время, учитывая возможность обоюдного осознания сторонами серьезных последствий эскалации конфликта между ними для глобального мира и безопасности, теплится надежда, что «до самого края» они дойти не рискнут. Поэтому прогноз дальнейшего развития нынешней ситуации хотелось бы видеть все-таки на путях пусть долгих и трудных, но **мирных** поисков решений с помощью обоюдных компромиссов и уступок, результатом которых впол-

не могут стать формирование некой «новой биполярности» или шаткая конструкция «балансирования на грани».

Где же в этих поисках место и роль России? Сегодня она «зажата» между Евро-Атлантикой и КНР, уже готовыми к переходу на следующий технологический этап, к новому уровню «цифровизации». Таким образом, выбор Россией своих политических ориентиров может одновременно стать и выбором пути ее будущего технологического развития, или наоборот — технологии определяющим образом повлияют на ее политику.

Если исходить из преобладающей пока конфронтационной парадигмы, соблазн «смычки» с Китаем достаточно велик. Именно к формированию китайско-российского двустороннего полюса призывали на прошедшем в конце мая с.г. в Москве совместном форуме под эгидой РСМД видные политики Игорь Иванов и Дай Бинго. Этому призыву наверняка аплодируют те в России, кто безапелляционно заявляет, что «вместе с Китаем мы — непобедимая сила». Эта, на первый взгляд, неоспоримая формула опасна тем, что нацеливает на сохранение перманентности конфронтации, на неизбежность военного конфликта и может сыграть негативную роль. Но конфронтация не должна быть вечной.

А тем, кто ратует сегодня за безоглядное упрочение дружбы с КНР, вплоть до воплощения в жизнь бывшего лозунга «Русский с китайцем — братья навек!», следует помнить об особенностях национального менталитета в Китае, когда речи зачастую не вполне тождественны деяниям; обо всех зигзагах и нюансах 70-летней истории наших взаимоотношений; учитывать сравнительную статистику торгово-экономических связей Китая с Россией и США²⁰.

Кроме того, по признанию российских СМИ, большую роль в нынешнем российско-китайском сближении играет **эмоциональная составляющая** — та самая, что была присуща китайско-американским связям при установлении между двумя государствами дипломатических отношений 40 лет назад.

Очевидно, что политические отношения между РФ и КНР сегодня масштабнее и богаче, чем их экономическое сотрудничество, а китайско-американские связи в торгово-экономической области, несмотря на разгоревшийся конфликт, по-прежнему пока более глубокие и насыщенные, чем взаимоотношения в политической сфере. К сожалению, по своим экономическим параметрам, геополитическим весу и влиянию мы сейчас выглядим слабейшими в «тройке».

Пока сохраняется американское стремление к гегемонии, а у России и Китая превалируют рассчитанные на долгосрочную перспективу планы формирования нового международного порядка взамен брюссельско-вашингтонской системы, конфронтационная парадигма будет доминировать.

Отсюда следует, что **главным и определяющим для продвижения по пути к новой системе мироустройства станет переход от парадигмы конфронтации к парадигме кооперации, от восприятия мира как совокупности конфликтов и противостояний к осознанию необходимости его развития в русле сотрудничества и замены принципа баланса сил балансом интересов.**

Это вовсе не означает, однако, что при продвижении по такому пути во взаимодействии с Китаем мы должны во всем потакать ему и действовать исключительно в его интересах, игнорируя свои собственные. Прежде всего, не в наших интересах пытаться «замирать» Китай и Америку. Идеальной для нас могла бы оказаться «классическая формула» взаимоотношений в трехстороннем формате, когда отношения одной стороны с каждой из двух других лучше отношений между ними.

Следовательно, внешнеполитическим приоритетом России должно стать налаживание взаимосвязей с США, которое потребует серьезного обновления российской дипломатией ее практики, форм, методов и подходов. Кроме того, «точками опоры» для России на этом пути станут поиски поддержки, помимо Китая, со стороны возможно большего числа экономически значимых, политически не ангажированных и сильных в

военном отношении государств, а также нахождение платформ для компромиссов с США в приемлемых для обеих сторон областях.

В связи с этим кажется интересной озвученная недавно идея о проведении форума ЕС — РФ — КНР — АТР по проблемам мир сососедства и обновления мироустройства. Представляется нелишним пригласить к участию в подобном мероприятии и представителей США.

В идеале конфликтующие стороны должны прийти к пониманию неизбежности принятия договоренностей о **конструктивном управлении своим соперничеством**, при котором сотрудничество в одних сферах может осуществляться одновременно со здоровой конкуренцией в других. Тогда появится возможность построения нового международного порядка, основанного на понимании того, что любой восходящей державе следует отвести определенную роль в формировании глобальных правил и институтов.

Именно такими подходами руководствовалась КНР, предлагая в свое время США принципы урегулирования ситуации в Южно-Китайском море. Именно они могут быть положены в основу устранения наследия ушедшей в прошлое эпохи холодной войны — «разграничительных линий» на Корейском полуострове и в Тайваньском проливе.

1. Под «российско-китайскими отношениями» автор подразумевает двусторонние отношения СССР/РФ — КНР с 1 октября 1949 г.
2. *Трессел Леон*. Китай не оставляет Америке ни одного шанса. URL: <https://svpressa.ru/economy/article/228252>.
3. См.: *Отырба А.* О чем китайские власти сигнализируют России. 23.05.2019. Firefox HTML.
4. *Батюк В.И.* Россия и Китай в стратегии администрации Трампа // Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии Организации. М., ИДВ РАН, 2019. С. 31.
5. Об этом заявил директор Института США и Канады РАН В.Н.Гарбузов на состоявшемся 26 марта 2019 г. в Институте Дальнего Востока РАН совместном семинаре ученых ИДВ РАН и ИСКРАН.
6. URL: <https://russian.rt.com/world/news/505979>.
7. Интервью BBC. 16.04.2018.
8. *Караганов С.* Свобода в выборе пути // Российская газета. 07.07.2018.
9. Аргументы и факты. № 24. 2018.
10. Там же. № 11. 2018.
11. См.: выступление А.Ч. Мокрецкого на «круглом столе» по проблемам российско-китайских отношений // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 3. С. 17–18.
12. Только в январе 2017 г. Трамп упоминался в российских СМИ 202 тыс. раз по сравнению со 147,7 тыс. упоминаний в них неизменного лидера шести прошлых лет В. Путина (Независимая газета. 01.03.2017).
13. Независимая газета. 10.01.2017.
14. Независимая газета (Сценарии). 1998. № 12.
15. Сяньдай гоцзи гуаньси. 2002. № 1–2. С. 93.
16. URL: <https://news-front.info/2019/0516>.
17. Там же.
18. URL: <https://profile.ru/columnist/govorit-ne-o-chem-141566>.
19. Это отчетливо прозвучало в выступлениях китайских экспертов в ходе V Международной конференции «Россия и Китай: сотрудничество в новую эпоху», прошедшей в Москве под эгидой Российского совета по международным делам 29–30 мая 2019 г.
20. Экспорт КНР в РФ в 2018 г. — 45,8 млрд долл., импорт из РФ — 56,5 млрд долл., экспорт КНР в США — 456,5 млрд долл., импорт из США — 147 млрд долл. В 2018 г. на Россию пришлось 1,9% китайского экспорта, а экспорт РФ в КНР составил 2,8% от общего китайского импорта.